

НЕУВЯДАЕМАЯ ГЕРАНЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Как ни странно, но образ (не сам цветок, но именно образ) герани в моей памяти с некоторых пор неизменно связан с нашей квартирой в детстве и... Игорем Лободиныным. Может, потому, что моя мать любила этот «мещанский» цветок, который неизменно стоял у нас на каждом подоконнике, как и в орловской однокомнатной квартире Игоря, где он жил с серьёзно больной матерью с 1993 года? А может, потому, что Игорь Лободин был до того прост и непритязателен в манерах и одежде, как и мужики из моего «гераниевого» детства? А может... Безнадёжно искать однозначные ответы на неоднозначные вопросы. В частности, здесь, по существу, вопрос: как зарождался тот или иной образ?

Да что там: непонятно ведь, за какие такие прегрешения невинному старому (почитай, более 300 лет уже) эпитету «мещанский» (т.е. «городской» — польск.), а заодно и милому доброму цветку моего детства молва, а затем и словари придали этакий уничижительский, как сказать, «обывательский» окрас. Хотя и понятию «обыватели» также необоснованно не повезло: ведь в старые добрые времена без всяких там «нарицательных» словком этим называли «постоянных жителей какой-либо местности».

Игорь Федорович Лободин помнится мне именно таким «постоянным жителем», и, наверное, поэтому память о нём связана с тем тонким, почти неуловимым ароматом вечной герани детства. Правда, у Иго-

ря Лободина, истинно русско-го писателя, «какой-либо мещанностью» была, не убоюсь сказать, вся Россия. Он слушал, слышал, понимал и всем естеством своим чувствовал слово, как бы дышал им. И в этом ему, надеюсь, белой завистью завидовали многие. Да и как не позавидовать по-хорошему, не порадоваться, к примеру, описанию природы в рассказе «Прощённый день»!

С трудом отрываю от давно и хорошо знакомого текста, снова купаюсь в солнечных строчках. И снова радуюсь за Игоря! И беру обратно свои слова о зависти, пусть и белой, к его воистину золотословному таланту, ибо уверен, что даже самый чёрный завистник не удержится от

радости общения с таким чистым, родниковой свежести словом. Да, именно так: не завидовали, а радовались мы за Лободина и Лободину — добром со товарищу нашему. Изящество стиля его прозы в сочетании с предельно простой манерой письма мне представляется главной чертой самобытности этого незаурядного писателя, однажды от нас ушедшего неведомо куда так до обидного рано. Как хотелось бы верить, что Игорь продолжает где-то своё высокое предназначение.

Чувство слова было дано Лободину, как говорится, с рождения. Питаясь из народных источников, оно абсолютно естественно, но в то же время незаёмно, искренне, правдиво и точно, как и *всё* в искусстве, что рождено сердцем — чутким и сострадательным. Одни названия его книг и рассказов чего стоят: «Перепёлка во ржи», «Прощённый день», «Дом на гривах коней»... Берусь утверждать, что проза Игоря Лободина классически поэтична, и поэтому его творчество уготована долгая земная жизнь.

О нём ходят легенды: от смешных до почти трагических. Не берусь судить об их достоверности, поскольку с Игорем мы близко познакомились уже после того, как эти легенды родились. Я был и останусь навсегда признателен Игорю Фёдоровичу за чуткое внимание к моим стихотворным строкам: там, в конце 80-х прошлого века. Мне, тогда не избалованному публикациями, было радостно его предложение печататься в газете Дмитровского района «Авангард», где он в то время работал. Бережно храню Золотой том сочинений А.С. Пушкина (1993 год издания), который Игорь принёс из личной библиотеки и подарил мне в день рождения в 1995 году — первый мой день рождения, который я, недавно избранный *ответсек* Орловской писательской организации, отмечал в нашем особняке на улице Салтыкова-Щедрина. Дарственная надпись — «Геннадью Андреевичу Попову в золотой твой день — любя» — сделана рукой Лободина, а далее — подписи все тогда присутствующих, из которых сегодня с нами нет, не верится, уже многих.

Не могу себе позволить сказать, что нет на этом свете Игоря Лободина. Для меня он всегда жив: по-детски радовавшийся каждому моему звонку, а тем более приходу (убеждён, что всем звонкам и всем гостям также). Вот и сейчас встаёт пред глазами его живой образ — светлый, как в лучшие годы нашей дружбы, вернее — товарищества, святее уз которого нет.

А моё последнее свидание с ним осенью 2002 года было от-

нюдь не радостным. Игорь, совсем недавно получивший известие о гибели сына, только что вышел из больницы после перенесённой тяжёлой болезни. Тем не менее, выглядел он как обычно, разве был несколько заторможен. Я пришёл к нему, чтобы заполнить анкету для заявки на творческую стипендию, оформляемую Союзом писателей России по ходатайству писательских организаций. Это последнее, что мы смогли, вернее, успели ещё для него сделать.

С июля 2003 года русский писатель Лободин Игорь Фёдорович числится в страшно, диком, невероятно огромном для мирного времени списке исчезнувших бесследно граждан России на её современном историческом этапе. Не берусь судить, но скажу, что справедливо было бы обозначить весь этот список как «винон», без вести пропавших в исторической битве русского народа за своё выживание на переломе двух тысячелетий». Но среди этих безвестных не каждый — безгласный!

Разве может *замолчать* тот, которому Богом дано написать, допустим, всего один рассказ «Перепёлка во ржи», в котором малый эпизод «лета сорок третьего года в боях под Орлом» вместил и великую народную трагедию, и величайшую самоотверженность, величие подвига народа нашего в той войне?!

И верится мне, что русский писатель-воин Игорь Лободин, как и герой его рассказа — русский солдат Иван Жилин, одной сходной судьбы: высоким русским словом им даровано бессмертие.

(Печатается в сокращении).